

18+

*М. Р. Флейшер
Т. М. Флейшер*

*Очерки
о пережитом*

М. Р. Флейшер

Очерки о пережитом

«Издательские решения»

Флейшер М. Р.

Очерки о пережитом / М. Р. Флейшер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969056-2

В этой книге опубликованы рассказы двух представителей одной династии, в жизни которых содержалось много необычного, интересного. Все рассказы основаны на фактическом материале и привлекают внимание удивительными событиями, которые не перечислить. Книга рекомендована широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-44-969056-2

© Флейшер М. Р.
© Издательские решения

Содержание

1. Издержки любви	6
2. Новогодний сюрприз!	7
3. Три подруги	9
4. Отпуск	12
5. Липкий мед	17
6. Любовь все-таки есть!	18
7. «Светская любовь»	20
8. Два банкета!	23
9. Царские подвески	28
10. В пасти у льва	31
11. Газетный вариант большого детектива	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Очерки о пережитом

М. Р. Флейшер

Г. М. Флейшер

© М. Р. Флейшер, 2020

© Г. М. Флейшер, 2020

ISBN 978-5-4496-9056-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Издержки любви

Они были закадычными друзьями, давнишними и добрыми. Кажется, они всю жизнь жили вместе. Их совместное времяпрепровождение составляло оборотную сторону медали их праведной жизни. У них были прекрасные семьи, красивые жены, повзрослевшие дети. Жены не видели ничего плохого в том, что главы семейств вместе проводили большую часть своего свободного времени. Авторитет мужской был непререкаемым. Хотел бы сразу предупредить читателя, что друзья не относились к сексуальным меньшинствам, а наоборот – были яркими представителями того большинства, которое любили и любят женщины. Нет необходимости рассказывать о многочисленных похождениях, которые они вытворяли. Можно лишь отметить, что готовили они свои подвиги вместе, а совершали каждый сам по себе. Воспитанность проявлялась и в этом. Город, в котором они жили, был большим и поэтому не только их пути, но и пути их многочисленных родственников, сослуживцев не пересекались. Они были исключением из всех любителей слабого пола, так как долго вдвоем готовились к своим похождениям. Они заботились о своем авторитете и, что сегодня особенно редко, заботились об авторитете своих дам. Это повествование было бы неполным, если бы я не поведал об одной из ошибок, которую они совершили. Эта драма имела предысторию.

Один из друзей был врачом и врачом известным, авторитетным, пациенты боготворили его. Второй был адвокатом и тоже снискал у горожан авторитет отличного юриста, выигрывавшего все дела. Они все время были на виду и им, конечно, было трудно погуливать, чтобы не попасться под чей-то взор. И вот однажды в кафе адвокат обратился к доктору с необычной просьбой:

– Петр, одолжи мне приличную книгу по хирургии.

– А для чего она тебе? Решил расширить свой кругозор или поспорить со мной на эти темы.

– Что ты, Петр, все значительно проще. Ты же знаешь, что Сергей, муж Марины, ведущий хирург в твоей клинике.

– Ну и что, ты решил с ним устроить дискуссию на медицинскую тему?

– Брось, все проще. Звоню я Марине домой и спрашиваю, где Сергей, а мне ответ – на работе – и все для меня полная неясность. Зная основы хирургии, я бы спросил, на какой работе, а если это операция, то какая и посмотрев в книгу, мог бы рассчитать время, которым я располагаю. Теперь понял, для чего мне нужна литература по хирургии?

– Для такого дела, Михаил, мне и всей своей библиотеки и жалко. Выбирай, что пожелаешь.

В обыденных похождениях прошел месяц. Ничто не предвещало беды.

В дежурство Петра скорая помощь доставила Михаила, которому пришлось покидать явочную квартиру непривычным способом, благо, что этаж был четвертым и молодые, но крепкие кости в основном выдержали перегрузку.

– Ты что, Михаил, как это пролетел, ты ведь у Марины был?

– Сам не пойму, чем просчитался. Вроде бы и позвонил. Марина ответила, что муж на работе. Я ей мол, а что за работа. Она мне: «Привезли тяжелораненого с проникающим ранением и перитонитом откуда-то из района. Я к своей справочной литературе. По всем источникам, на оперативное лечение и реанимацию часа 3—4 в самый раз хватит. Ну и ринулся в гости.

– Ну и что помешало?

– Что-что помешало. Больной умер во время операции, вот я и полетел, так что и теория не помогла, хорошо хоть не застучал муженек. Теперь у меня заслуженный отпуск за неправедные дела!

2. Новогодний сюрприз!

В старые добрые времена, когда воспитательная работа в народных массах имела перво-степенное значение, произошла эта незатейливая история, типичная для тех годов.

В одном из районов три руководителя хозяйств почти что принудительно, по результатам работы за год, были поощрены путевками в санаторий. Несмотря на хмурые взгляды своих жен, а деваться было некуда, с клятвами, что будут вести себя в санатории прилично, друзья товарищи отправились на юг к морю, прекрасно осознавая, то устоять им от соблазнов в расцвете лет будет крайне сложно. В поезде под мирный перестук колес, поедая домашние харчи и уничтожая немногочисленные винные запасы, успокоились, стали настраиваться на отдых. Постепенно проблемы пахоты, уборки урожая, ремонта техники и другие сельскохозяйственные мероприятия ушли на второй план, уступая места различным пережитым историям, кто как отдыхал раньше и т. д. Они впервые ехали в отпуск без жен, хотя и сознавая меру ответственности за соблюдение кодекса строителя коммунизма придел сознавал, что без греха не обойтись. Хоть в выпивке, хоть во флирте, хоть и в чем-то более серьезном. Все мужики доверяли друг другу и договорились, что если выпивать, то вместе, а если гулять доведется, то каждый сам по себе и особо не светиться, чтобы и подозрений не было. Первая неделя черноморского отдыха прошла в веселье, купаниях в уже прохладном море, адаптации к местным условиям. Держались вместе, жизнь казалась счастливой, даже проблемы «женщин» особо не возникали. Но южной романтики воздух, картины прекрасной приморской природы, хорошее питание и выпивка медленно, но уверенно делали свое «черное дело». У трех наших друзей нет да нет начинали блестеть глаза, интуитивно потираться потные руки, взгляд постоянно искал в толпе представительниц женского пола. Держались они одну неделю и рухнули в одночасье, предпочтя мужской компании парный отдых среди красот санатория, города и моря. Оставим за кадром их похождения, они тривиальны, не отличались особой изысканностью и соответствовали их материальному достатку, фантазиям и возможностям партнерш. Один из наших героев – председатель колхоза, попросил даму своего сердца перед расставанием: «Люда, я тебя прошу, только не пиши мне никаких писем, а если уж очень захочешь, подпишишь мужским именем. Жена, педагог, серьезный человек, враз голову оторвет». На том и порешили! О чем просили своих боевых подруг два других героя, история умалчивает. Путь назад из санатория больше походил на возвращение из сытой хорошей командировки, в удовлетворенном состоянии. Интимных тем в поезде не касались, договорились лишь об одном, чтоб по пьянке не трепануться и не сдать под «пытками» жен.

Жены встретили наших мужиков по традиции настороженно, «обнюхивая и осматривая». Чуть смягчили ситуацию сувениры и подарки с юга. В ответ на любые каверзные вопросы, держались как на допросах. Этот период продолжался недолго, текучка затянулась, начались трудовые будни, в которых у председателя рабочий день начинается с зарей и заканчивается после заката. Отдых здесь забылся. Ничто не предвещало несчастья. В один из дней Кирилл, председатель колхоза, предупреждавший свою пассию не писать, заехал домой пообедать. Обычно приветливая жена, злобно сверкая глазами, вообще не разговаривала, на столе было пусто. Понятно, что произошло нечто такое, что вывело Павловну из себя.

– Ты что, болеешь или что не так?

– Это ты скоро заболеешь. Пусть тебя твоя Снегурочка кормит.

– Какая еще Снегурочка.

Жена нервно бросила на стол новогоднюю открытку. Правда, отправлена она была на адрес колхозной конторы. Как уж она дошла домой, было неизвестно. Текст был убийственным: «Дорогой Кирилл. Поздравляю с Новым годом. Желаю счастья. Твоя Снегурочка». Вот тебе картина Репина «не ждали». Разбираться было ни к чему, скандал налицо. Зная характер

жены, Кирилл приготовился к худшему. Александра Павловна была педагогом, блюла мораль и теперь точно доведет дело до развода. Страшные мысли загуляли в голове. Кирилл закурил и вышел из дома. Целый день он ездил по полям, думая о ситуации. Примирения ждать было бесполезно. Ведь если развод, то и следом пинком из партии и далее из председателей. Вот и погулял, называется. Воздух родных полей, повышенная доза от выкуранных сигарет не могли не подействовать на разгоряченный мозг.

Тут он вспомнил, что говорили о первом секретаре их РК КПСС. Если что случается, лучше прямо к нему и в ноги, отругает в полный рост, но всегда выручит. Домой ночевать Кирилл не пошел, а уже в 6 утра был у парадного входа райкома. В 6.30 пришел Первый.

– Вы что, Кирилл, в такую рань.

– Да, я покаяться решил, и пока шли до кабинета, второпях рассказал, что с ним случилось.

– Ну Кирилл, от тебя я этого никак не ожидал, отличный семьянин, лучший руководитель, прекрасная жена и отличился. Что-то мне твое «падение» не нравится. Я тебя конечно мерзавца пощажу, но из ситуации надо выходить. Ты с кем был в Сочах?

– С Петром из Заветов Ильича и Николаем Сергеевичем из Агронома.

Первый посмотрел на часы, снял телефонную трубку и набрал чей-то номер.

– Николай Сергеевич, это я! Уже встал. Хорошо стоишь или сидишь? Да и погуляли вы на юге. Добавили мне веселья в районе. Да не оправдывайся, я все знаю. Потом разберем детали ваших «полетов». А сейчас слушай. Я позвоню жене Кирилла, ты ее знаешь и скажу, что это ты перед Новым годом пошутил и послал открытку с подписью Снегурочка, а ты, если что, подтверди, тем более ты недавно был в Москве, оттуда она и поступила. Все понял?

Кирилл мало что понимал, слушая беседу Федора Степановича с Николаем Сергеевичем. Федор Степанович снова набрал чей-то номер.

– Александра Павловна, это ты? Не разбудил? Ну извини. (Первый знал, что жена боялась первого секретаря хуже смерти и замирала, когда он звонил). Где Кирилл? Что уже на работе? Мне он нужен, передай, что я искал. Да кстати, он никакой открытки к Новому году не получал? А то мне уже один из ваших соседей председателей звонил, что получил открытку, подписанную «Снегурочка». Оказывается, это Николай Сергеевич, старый увалень, так веселится. Ну я ему всыплю, чтоб лучше шутки выбирал. Значит, твой еще не получал. Ну да бог с ним. Скажешь, чтобы Кирилл позвонил.

Закончив разговор, Степаныч обратился к Кириллу:

– И не благодари меня. Я тебе еще всыплю по первое число, семью жалко, да и колхоз у тебя хороший. Ладно, езжай.

Кирилл сразу домой не поехал, долго кружил по хозяйству и когда под ночь приехал домой, увидел разительную перемену. На плите что-то грелось или варилось, стол заставлен едой и приборами. Жена с улыбкой мелькала по дому.

– Ты где это носился? Тебя тут Первый искал. Просил позвонить. Кстати не знаешь, кто тебе открытку послал, дурная твоя башка, и не говори. Я знаю, но не скажу. Сам ты дурак и друзья у тебя такие же.

Кирилл победно вздохнул, подошел к жене и обнял ее. Воцарился мир.

3. Три подруги

Прекрасный летний день. Они ушли находить прекрасные места на природе. Главное, чтобы сама природа располагала к душевным беседам. Каждый раз они искали новое место для отдыха и ни разу за многие годы не повторялись. Для компании подобралось критическое мужское число – трое; хотя все участники постоянных встреч были женщины. Их объединяла давнишняя дружба, ответственное общественное положение. Женщины были симпатичными и в самом, так называемом, соку. В тот исторический для нашей страны период отдых в саунах был непопулярен, да и ездить по баням предпочитали не шумными компаниями, а в основном, по-семейному, да в общем-то у каждой семьи, тем более занимавшей высшие посты в районе, были свои дачи с неплохими банями. В те времена за моралью смотрели все – и партийные комитеты, и общественность, и домашние; так что особенно не разгуляться. Этап тотальной борьбы с пьянством в стране еще не наступил, поэтому народ застолье любил и терпел, главное, чтобы все было цивилизованно и не выходило за пределы приличия. Для начальствующих семей в этом плане было посложнее; если главы семейств еще успевали «утолить жажду» на различных ответственных банкетах, различных приемах, праздниках, то их половинам для этого снятия нервного стресса оставались лишь семейные праздники. Но на этих праздниках особенно не выговоришься, да и публика постоянная, изрядно надоевшая и отражавшая иерархическую лестницу в районе. Любишь его или не любишь, а пригласить на торжество или какое-либо иное мероприятие обязан. Эта троица подобралась случайно, но как оказалось надолго – их дружба была прочной и прошла проверку временем. Собирались они не сказать, чтобы часто, но готовились к встречам солидно, со вкусом, не экономя на мелочах, не создавая себе и другим трудности. Главное, чтобы не было проблем, все было бы в радость.

Как я уже сказал, женщины были средних лет, и можно было их считать молодыми. Одна из них – Людмила Ивановна была женой первого секретаря райкома партии, и сама работала завучем в школе; вторая – Анна Сергеевна – жена прокурора района Чечакова, работавшая юрисконсультком исполкома; третья – врач Надежда Михайловна, которая имела суровую для врача и женщины профессию судмедэксперт, была она женой начальника районной строительной организации.

Ничто не предвещало проблем и в этот раз. Место, которое они выбрали было уютным, тихим. Берег красивой уральской реки Камы, вдалеке от населенных пунктов; песчаный пляж с теплой искрящейся на солнце прогретой водой; вблизи берега уютный домик рыбацкой бригады – чистый, свежесрубленный из огромных стволов елей, хорошо пахнущих хвоей. В избе было все для незатейливого отдыха, да и река была рядом. Водитель райкомовской машины, выгрузив компанию, должен был приехать через 4—5 часов. Времени для отдыха было достаточно. Женщин объединяла неплохая русская черта – они любили хорошо поесть, не так хорошо выпить, как хорошо поесть. Многие блюда готовили заранее и доводили до кондиции на месте. Описывать их стол я не буду, хочу лишь отметить, что на нем было, наверное, все самое лучшее, что могли позволить себе местные гурманы.

Свежий речной воздух сам по себе обострял аппетит, а уже прекрасный стол с разносолами еще больше укреплял мысль: «что жизнь хороша, а жить хорошо еще лучше». К ритуалу выпивки наши героини относились не так как мужчины – делали это не спеша, и чтобы все было в радость и в меру. Если мужчины в подобных компаниях пьют за что-то и для чего-то, то в этой компании пили для здоровья, а еще для удовольствия и гармонии. В мужских компаниях после первой рюмки начинались беседы и разговоры, а после 4—5 различные разборки. Наши женщины спокойно ели и пили, как бы выполняя заранее подготовленную программу, а уже потом, выйдя на берег, садились беседовать, чтобы уже ничто не мешало их разговору.

«Их малый совет в Филях» разбирал различные вопросы районного масштаба. В этих беседах анализировались многообразные ситуации, сложившиеся в различных отраслях производства, культурной и общественной жизни, нередко обсуждались или готовились кадровые перестановки. Несомненно, не проходили мимо этого «неформального консультативного совета» и различные проблемы личного плана, хотя и избегали они вопросов, кто с кем живет и почему. Видимо боялись разжалобить свои души или показать свое отношение к интимным проблемам. Особенно запретной темой были разговоры об интимных личных ситуациях и если уже этого касались, то лишь с так называемой «медицинской точки зрения», т.к. одна из них была врач. Потом, конечно, никто не мог вспомнить, как они перешли к своим личным сексуальным проблемам – вроде бы ничего к этому не располагало и ничто «не предвещало беды». Вроде разговаривали о своих мужьях и то с уважением, согласно рангу и общественному почету.

– Вот подружки не зря у меня муж первый секретарь. Посмотрите, как он к себе и другим требователен. Сколько работает для района, сколько делаю хорошего. Да и дома также все солидно, обстоятельно. Вот уж первый, так он и везде первый.

– Первый он может и во всем первый, тут возражать особо нечего. Но я так думаю, что у мужиков, если их взять отвлеченно от должности, не все определяется их положением – перебила Надежда. Природа создала их по-разному, и не всегда предполагала какая их ждет служебная карьера.

– Но ты не права, – не унималась Людмила Ивановна. – Мой во всем первый, он даже в этих вопросах любому мужику фору даст. А как он к этому относится культурно, с любовью, можно сказать с французским мужским бельем и мужской туалетной водой. Обязательно обласкает, прежде чем к сексу приступает.

– Наверное их где-то этому обучают, может в партийных школах или институтах. Только мой прокурор, который вырос в простой деревенской семье и в институте больше работал, чем учился, а действительно, как грубый неотесанный мужлан. Он, конечно, меня любит и все делает для семьи, только, дорогие вы мои, а вот в интиме у него одно занятие – хлопнет меня по заднице – давай, мол, займемся делом и все – без французского, а исключительно по-русски, хотя, как мужик, могу сказать, мне он нравится, ничего не скажешь! А может это и главное.

Разговор быстро перешел к другим проблемам и вроде бы к этой ситуации уже никто не возвращался!

Время бежало быстро, потихоньку стало смеркаться, и надо было собираться домой. Райкомовский уазик подъехал вовремя, и вся компания своевременно была доставлена по домам.

В этот день Сергей Константинович – первый секретарь райкома, как обычно поздно вернулся домой. Он знал, что у жены сегодня «мероприятие» и особенно не торопился. Вернулся, принял душ, перекусил приготовленной женой ужин и зашел в спальню. Он никогда не нарушал этот ритуал – подходил к зеркалу, около которого горела бра, побрызгал на себя туалетной водой, причесался, выключил лампу и лег в кровать. Почему это произошло именно в тот день, никто уже объяснить не мог, но вместо того, чтобы обласкать свою благоверную жену, он взял и хлопнул ее по спине, что-то пробормотав при этом. Та, в свою очередь, то ли спросонья, то ли не подумавши брякнула: «Ты чего, как Чечаков себя ведешь?» «Она и не представляла, что за этим произойдет. -»

– Что это значит, как Чечаков? А ты откуда знаешь, как себя ведет в этой ситуации Чечаков. Что и ты загуляла. Я знал, что эта ваша компания до добра не доведет.

И далее как обычно бывает в обычных семьях, разразился обычный домашний скандал. И как Людмила Ивановна не оправдывалась и искренне не рассказывала, откуда она узнала, как себя ведет в интиме прокурор, а муж ей не поверил.

В 8 часов утра прокурор района был срочно вызван к Первому. Между ними всегда были приличные, уважительные отношения и поэтому прокурор и не предчувствовал какой-либо

«беды». Только переступив порог, казавшегося огромным кабинета первого секретаря, прокурор был ошарашен неожиданными словами

– Ну что, теперь с моей бабой загулял. Ну этого я от тебя, законника, не ожидал. Подозревал и догадывался, что ты до женщин охотник, но чтобы к моей пристроился, это уж слишком. – Будешь сам каяться или как?

Прокурор не сразу и понял, в чем дело, стал отшучиваться.

– У меня и своя такая есть, зачем мне Ваша жена, я к ней никакого отношения не имел и не имею.

Первый не унимался.

– Я все сказал. Если хочешь, чтобы я тебя вообще не уничтожил, за 24 часа, чтобы ты из района уехал. С твоим начальством я договорюсь без проблем. Больше мне тебе сказать нечего, сам виноват.

Дома прокурор рассказал, что его вызывал первый секретарь и услышал объяснения жены о вечернем разговоре на природе и все понял.

Помирить их никто не смог. По настоянию партийной власти в районе сменился прокурор.

P.S. Наши героини встречались еще много раз; они не смогли понять своих мужиков, как и те не смогли понять их.

4. Отпуск

Так уж сложилось, что каждый проводит свой отпуск по-разному. Отпуск – это не просто отдых или смена обстановки, это в большей части фрагмент жизни, в течение которого человек как бы «заряжает» свои аккумуляторы энергией, которой хватит на весь год. Умение проводить отпуск зависит от характера, возраста, особенностей личности человека, сложившихся традиций и многих других обстоятельств. Хороший психолог или психоаналитик сможет воссоздать все стороны человека, только лишь анализируя то, как он проводит свой отпуск.

Не скрою, что в биографии у многих с отпуском связаны многочисленные положительные или отрицательные эмоции, интересные житейские истории, поучительные происшествия, судьбоносные события и многое, многое другое. Я никогда не думал, что профессия человека может существенно повлиять на то, как он проводит свой отпуск. Но однажды услышанная история вынудила меня изменить это мнение. Эта жизненная ситуация надолго осталась в моей памяти не только потому, что она была реальна, а еще и в связи с тем, что она в отличие от многих отпускных романов и очерков была добродушной и имела хороший конец.

Несмотря на то, что Коля никогда не ездил в отпуск без семьи, супруга уговорила его съездить на отдых в очень престижный санаторий на юге. Путевка была одна, и так сложилось, что Коле рекомендовали поправить здоровье в санатории. Работал он главным врачом большой больницы и несмотря на относительно молодой возраст, не смог избежать стрессовых болезней, свойственных в наше время некоторым должностям.

Поэтому и согласился. Жену он слушался, особенно в вопросах, связанных со здоровьем. В их семье за этот вопрос отвечала она. Хотя он себя больным и не считал, но решил, что отдых не помешает, и согласился с условием, что осенью они поедут на пару недель к родителям жены, чтобы не изменять традиции проводить отпуск вместе.

В купе поезда, который следовал в южный город к месту отдыха, Коля заскочил за минуту до отправления. Когда поезд тронулся, то он обратил внимание, что в купе (а поезд был проходящим) едут три женщины его лет. Сложилось мнение, что они хорошо знают друг друга, и у них один маршрут.

Ну, молодой человек, на юг, на отдых, и как принято один, без сопровождения? Что, так доверяют, или по жизни один? – наступательным тоном спросила одна из попутчиц.

Будучи по натуре общительным человеком, Николай тем не менее решил особо не раскрываться, ибо больше всего боялся классических курортных романов.

Наверно, доверяют, да и отправили в санаторий, чтобы не только отдохнул, но и подлечился.

А вы кем работаете? – не унималась женщина.

Что уж толкнуло Колю соврать, неизвестно, но он сказал, что работает агрономом в сельскохозяйственном кооперативе. Возможно, сыграл роль тот факт, что его старший брат работал агрономом, и Николай в общих чертах знал эту работу. Каково же было его удивление, когда он узнал, что все женщины – врачи, и едут в тот же санаторий, что и он. Тогда родилось твердое решение от легенды не отходить и не говорить, что он их коллега. Конечно, в тот момент он не представлял, как будет развиваться ситуация, и как повлияет его легенда на отпуск.

Попутчицы работали в одной больнице, всегда в отпуск ездили вместе и без мужей, и что самое интересное, делали это не с целью поиска приключений, а чтобы отдохнуть, отрешиться от домашних забот.

Дорога на юг предстояла неблизкой. Женщины скрашивали дорожную скуку практически непрекращающимися обедами, тем более что они любили поесть. Дежурная бутылка коньяка, выставленная Колей на общий стол, осталась недопитой.

Людмила, Александра, Мария – так звали подруг, все внимание сконцентрировали на Николае. Попав под перекрестный огонь трех женщин еще не бальзаковского возраста, он с трудом сдерживал позиции. Вроде бы в его логике не было слабых сторон, а легенда постоянно требовала искусной импровизации.

Узнав, что Коля едет в тот же санаторий, подруги решили взять шефство, в чисто медицинском плане и возглавить его восстановительный лечебный процесс. Доводы были убедительными. Во-первых, мы все врачи, все знаем, и нам не трудно порекомендовать самое лучшее лечение, во-вторых, в санатории надо всегда знать, чем и от чего лечиться, иначе будут лечить не от того, что нужно, а от того, что дороже. В-третьих, им это не трудно, да и Коля уже не возражал. Ему это понравилось. Уж больно не хотелось ехать на отдых врачом, зная, какие при этом возникают плюсы и минусы. И ему самому предоставлялась возможность на себе оценить, как можно построить санаторное лечение, когда тебя лечат не только за деньги, но и с душой.

Женщины уже не первый раз были в этом санатории, знали весь персонал и гарантировали высокое качество лечения и обслуживания при невысоких затратах. Особенно возражал Коля против последнего довода:

– Вы только на моем здоровье не экономьте. Ведь здоровье – это то, что за рубежом не купишь, а у нас не украдешь.

Особенно много рассказывать о своих болячках было неприлично. Коля ограничился тем, что показал дамам санаторно-курортную карту, которую наспех заполнили перед отъездом в его же больнице. Из «тяжких» болезней он обладал лишь радикулитом, да еще последствиями когда-то перенесенной в студенческое время язвы желудка. Конечно, трудно скрывать эмоции врачу при разговорах о болезнях, тем более собственных, но Коля реагировал терпеливо и спокойно. Конечно внутри него осознание того, как оценивают его попутчицы, как они планируют его лечить, происходило в интригующей борьбе, но внешне он не реагировал. Он просто решил отдохнуть, в том числе и от своей профессии, тем более что год перед отпуском выдался на редкость тяжелым, как принято говорить перестроечным.

Засыпая под мерный стук колес, в голове прокручивал одну мысль: «Ничего себе, везу с собой консилиум для собственного лечения. Хорошо бы осталось время для отдыха. Ну ничего, им со мной будет трудно, ведь по легенде я не врач, в медицине малограмотен, так что можно упираться во всем и делать с умом. Так что любую ситуацию можно повернуть на пользу и для эмоциональной разрядки».

Юг есть юг. Воздух и природа сразу завораживают, обо всем забываешь, а море снимает любой стресс. Пока устраивались, Николай погулял у моря и решил, что все-таки это не романтическая история, и пусть она будет фоном для его отдыха. Ведь чем черт не шутит, может и отдохнет хорошо, а лечение и не будет мешать отдыху. Ничто так не успокаивает нервную систему, как общение с морем. Его бескрайние голубые просторы, мерный шум прибоя, приятно дурмнящий прибрежный воздух и золотистый песок создает такую дурмнящую гармонию, что практически мгновенно голова освобождается от старых и ненужных мыслей, а тело от казавшихся вечными болезненных ощущений. Николай уже почти засыпал на лежаке, когда чья-то нежная рука слегка задела его за плечо.

– Коля, пора оформляться у врача, позагорать всегда успеешь. С ним мы договорились, в общих чертах рассказали о твоих проблемах. Врач в санатории один из лучших, так что процесс лечения тебе обеспечен. Все самое лучшее, из первых рук. Будешь, как мы, медработники, везде без очереди. И врача деньгами не балуй, мы обо всем договорились. Палата у тебя одноместная, уютная, со всеми удобствами. Так что наслаждайся и не думай, что врачи народ сухой и нерадостный – сказала Людмила.

– А вы там ничего лишнего не наговорил, а то представили меня, как в «Ревизоре» у Гоголя.

– Да нет, ничего мы не преувеличили, сказали, что ты председатель колхоза и наш близкий родственник, так что не переживай.

В кабинете врача Коля повел себя, как и решил в свете легенды. Изменил он лишь один нюанс, по известному правилу положил купюру в 500 рублей в санаторно-курортную книжку, прежде чем отдать ее доктору. Доктор действительно был умудренный опытом, солидный и, судя по разговору, хорошо разбирался в своих вопросах.

– Ну-с, батенька, ваши подружки рассказали мне о Ваших проблемах. Думаю, что сообщая мы их победим. Это хорошо, что Вы человек, не сведущий в медицине, оздоравливаться Вам будет легче. Судя по Вашему объективному статусу, за здоровьем Вы не следили. Ну это и понятно, все по полям, от зари до зари. Я тоже всю жизнь мечтал работать в колхозе, да вот судьба сложилась так, что пошел в медицину и работаю в бархатной профессии. Это я сам ее так величаю. Тут главное, чтобы врач не лишил возможность самому организму пациента с помощью природных факторов восстановить растраченное здоровье. Главное, чтобы не усугубляли ни вредными привычками, ни романтикой. Сначала подлечитесь, пройдите курс, а уж потом экспериментируйте, если человек рискованный. Вам конечно, проще, у Вас такая родня привлекательная, она Вам оступиться не даст.

Николай подумал про себя: «Да, есть разница между нашей медициной и санаторной все-таки у них больше человеческого фактора, чем специальных методов, надо иметь интуицию, чтобы попасть в точку».

Все курортные беседы развиваются за столом. Опека подруг была не очень назойливой, но чувствительной. Началось с формирования меню – что можно есть, а что нецелесообразно. Будучи всеядным, Коля особенно не спорил. Труднее было, когда разговор заходил на медицинские темы. Тут было преимущество: три против одного, и дамы часто перебрасывались фразами на медицинские темы, в том числе и в свой адрес. Конечно, многое внутри вызывало улыбку, то как планируют его лечить и какие процедуры применить. Радовало одно, что особенно агрессивных методов они не использовали, да и лечащий врач, будучи неплохим специалистом, спланировал мягкое лечение – ванны, грязь, массаж и максимум природных факторов: плавание, умеренный загар, прогулки по паркам.

Самые опасные дискуссии возникают именно во время прогулок. Тут уж беседы носили медицинскую тематику, и его внутренний мир часто протестовал против того, как подруги критикуют состояние медицины, уровень и квалификацию врачей, роль отдельных методов в лечении. Николай старался перевести тему разговора в другую сторону, на любую другую тему. Внутренний голос говорил ему: «уж лучше погулять с какой-нибудь дамой, найти друзей мужиков, поиграть в карты, выпить хорошего вина, а то как троеженец. Но дамы цепко держали жертву в своих руках. Коля никак не мог никого из них выбрать в качестве слабого звена. Во-первых, ему «повезло», все они были не в его вкусе. Крепкие, стойкие, с прочными взглядами на вещи вообще и на медицину в частности. Коля иногда раздражал дам своими вопросами на медицинские темы, понимая, что только «медицинским невежеством» он отобьет у них охоту разговаривать в его присутствии на подобные темы.

Проходя лечебные процедуры, Николай чувствовал, что его там ждут. Понимая, что это не его заслуга, он старался на каждой процедуре оставить добрую память в той или иной купюре. В ответ качество несказанно повышалось. Своим «лечащим врачам» он об этом не докладывал.

Лечебный процесс неплохо складывался, уходила накопленная за год усталость. Но самое главное, эмоциональное переключение на темы, не связанные с его профессией, давало постоянное расслабление. Коля старался использовать все природные факторы, но его кураторы не рекомендовали много жариться на пляже. Понимая, что с такой охраной не пофлиртуешь, а в санатории этот вид отдыха был процедурой номер один, он уже стал чувствовать на себе

косые взгляды многочисленных женщин и немногочисленных мужчин. Как он не избегал этой темы, подруги пару раз его «зацепили»:

– Ты бы Коля, хоть развлекся немного, а то застой вреден внутренним органам.

На это он парировал: «Мне моральные принципы дороже».

Мария произнесла фразу, которую Николай потом нередко применял в своей медицинской практике: «Так тебе что важнее: свое здоровье или моральные принципы. А то сходи к урологу, он тебе и моральные принципы не разрушит, и от застоя избавит».

Коля, конечно, понял, от чем идет речь. И потя от самой мысли визита к такому специалисту, ответил:

– А можно без уролога, я сам разберусь с этой проблемой».

– Ну давай разбираться – не унималась Мария, у вас в сельхозпрактике может что другое придумали.

– Да нет, я предпочитаю естественный процесс. Вот посоветуюсь с женой по телефону и вдарю по курортному сексу.

За столом воцарилась гробовая тишина.

– Давай, давай советуйся, она конечно разрешит.

Пришлось Николаю после танцев погулять с одной из отдохавших молодых женщин и поздно вернуться в номер. Уже за завтраком его уши краснели от намеков с трех сторон. Казалось, его ревновали все его подруги, но тут уж ничего не поделаешь.

Проходя лечение, отдыхая у моря, посещая экскурсии, Николай практически забыл все проблемы на работе. Лишь изредка наблюдая, как ведет себя главный врач курорта, он завидовал ему. Вот это работа! Один отдых, особых вопросов и нет, один «Ну как отдыхаете?»

Отпуск перевалил свою половину, никаких стрессов, хорошая погода, прекрасное питание, поступательное лечение делали свое дело.

На одной из экскурсий он встретил своих знакомых коллег из соседнего города, которые с семьями отдыхали в другом санатории. Главный врач этого санатория был их знакомый. Поэтому у них все было хорошо, они отдыхали, как говорят, в полный рост.

Николай, вернувшись в свой санаторий, уже на следующий день стал обращать внимание, что к нему изменилось отношение со стороны руководства санатория. Его перевели в люкс, пересадили за другой стол, якобы по распоряжению главного врача, дополнили лечение целым рядом экзотических процедур, таких, как сауна с бассейном, промывание кишечника радоном и целым рядом других. Николай был в неведении, подруги сокрушались, не понимая, кто вмешался в лечебный процесс их подопечного.

Через два дня его пригласил главный врач.

– Что ж, Вы, дорогой, скрывает, что Вы наш коллега, да еще руководитель такой известной клиники. Действительно, как в «Ревизоре», Вы случайно не с какой-либо другой целью?

Николай стал оправдываться:

– Да что Вы, это я от своих знакомых дам, которые тоже врачи, скрываюсь, а не за вами наблюдаю. Так уж получилось. Думаю, это вам не мешает

– А то я думаю, что это звонит мой сосед, главный врач санатория и говорит, что тут у тебя отдыхает известный главврач, даже заслуженный врач России, а ты его потчует как обычного. Вот я и решил с Вами поговорить.

– Вы уж меня, Сергей Алексеевич, не выдавайте. Я с этой легендой и отдохну до конца, тем более, что осталась одна неделя. Мне очень нравится.

– Ну ничего, мы Вас с оставшееся время пролечим по высшему разряду, и Вы совсем довольным вернетесь домой.

Ну тут началось! Лучше об этом не вспоминать. Сауна не только с бассейном, но и с таким столом, какой он видел только на губернаторских приемах. Экскурсии в заказники с охотой на горных зверей, в винные подвалы и другое. Днем же проходило интенсивное восстанови-

тельное лечение. Подруги, понимая, что уже не контролируют процесс лечения, отступились. Так и прошла последняя неделя. В какой-то мере она адаптировала Николая на возвращение домой.

Отдых явно пошел ему на пользу. Он похорошел, все болезни прошли и не напоминали о себе. Чувствовал себя прекрасно. Накупив подарков жене и сыну, отправился домой. И снова в купе оказался с теми же дамами. Они тоже похорошели, прилично отдохнувшими и оздоровившимися возвращались домой.

Когда в поезде накрыли прощальный банкетный стол, подруги стали интересоваться у Коли, что это вдруг они попал под такую опеку главного врача. На что он ответил: «Так я тоже главный врач. Я просто вам сразу не сказал этого, и поэтому мы неплохо отдохнули. О медицине я не вспоминал, рабочие проблемы не волновали, думаю, что и вы довольны.»

За столом разразился дружный смех. А Мария не унималась: «Я же вам говорила, что не похож он на агронома. Как в фильме „Место встречи изменить нельзя“ герой не похож был на пианиста, руки не те. А вы агроном, агроном. В людях надо разбираться».

– А что, Маша, с врачом было бы по-другому?

– А кто теперь знает. Может, профессиональную любовь закрутили бы, я всю жизнь мечтала полюбить главного врача, да еще такого молодого и симпатичного. Так нет, сорвалось.

– Ну ничего, Маша, у тебя еще все впереди.

Когда Николай вернулся домой, все обратили внимание, как оно посвежел и похорошел. Даже жена и та не удержалась.

– А ты не хотел ехать один. Вот видишь, как хорошо получилось

– А вдвоем было бы лучше. Это все оттого, что главный врач санатория много курировал отдых. Особое отношение есть особое отношение.

В душе он понимал, что лучше отдыхал, когда был агрономом.

5. Липкий мед

Старые добрые семидесятые годы. Совещание в одном из районных управлений сельского хозяйства. Идет разбор результатов работы, время к концу совещания, все устали. Я всегда понимал, что наш народ красноречив, а русский язык очень богат на удачные выражения.

В напряженной атмосфере зала повисает вопрос начальника управления, обращенный к специалисту, ответственному за отрасль пчеловодства. К слову сказать, этому ответственному было уже под семьдесят, и за многие годы своей нелегкой службы он научился терпеливо сносить критику руководства и находить объяснения любым ситуациям.

Иван Сергеевич! Что это у нас в районе производство меда уж очень низкое? Даже стыдно по сравнению с соседями. Ну-ка объясни всем нам, в чем причина?

Иван Федорович! Иван Федорович, – вкрадчивым тихим голосом отвечал небольшого роста мужичок, – но Вы же знаете – больно липкий у нас мед, ну уж больно липкий. В конце ответа зал грохнул ядреным народным смехом, поняв тонкий, но точно поставленный юмор отвечавшего.

На этой мажорной ноте и пришлось закончить совещание. С той поры с чьей-то легкой руки пошло гулять не только по району, но и по области выражение: «Уж больно липкий у нас мед оказался». И этим все и сказано!

6. Любовь все-таки есть!

Эту романтическую историю знали многие, но то, что она откроется с неожиданной стороны, никто не предполагал, несмотря на строгости морального кодекса строителя коммунизма, царствовавшего на протяжении многих лет, ничто человеческое было не чуждо даже сотрудникам партийных органов. Несмотря на таинственность романа инструктора райкома миловидной дамы средних лет, отдавшей свою молодость служению делу партии и не успевшей создать свою семью и председателя колхоза бравого, энергичного Григория Васильевича, который, не взирая на наличие домашнего очага, любивший Людмилу Павловну, многие из добропорядочных партийцев знали об этом. Особых острот и «сальных» шуток по этому поводу никто не допускал, т.е. все знали позицию первого секретаря, который терпеливо относился к происходившему, ибо больше всего в жизни ценил гармонию и равновесие в отношениях. Сам он был примерным семьянином, но разборок на эти темы не устраивал до той поры пока чувства людей не выходили за край общечеловеческих взглядов и носили характер вполне пристойных. Конечно наглецов по этой части он не жалел, но эту пару терпеливо сносил, понимая чистоту их чувств и в чем-то безысходность ситуации.

Но жизнь создает трудности и для гармоничной идиллии, от испытаний даже истинные чувства не застрахованы.

И вот однажды, на заседании райкома слушался вопрос о стельности поголовья коров в районных хозяйствах. Кураторы из числа работников райкома отчитывались о процентах стельности коров в своих подшефных хозяйствах. Дошла очередь и до Людмилы Павловны – инструктора сельхозотдела райкома. Не успела она открыть рот, дабы доложить сложившуюся ситуацию, как в тишине кабинета первого раздался его мягкий, но четкий голос:

– Что это у Вас, Людмила Павловна, с Григорием Васильевичем получается в плане случек. Что это Вы не уделяете этому должного внимания. Вот Вам и низкий процент стельности в вашем хозяйстве. Как хотите, это понимайте, но надлежит лично выехать в колхоз и убедиться в чем причина – в быках, в условиях какие там созданы для случек или в организации этого вопроса. И повторяю разберитесь лично в чем суть и доложите, что Вам удалось переломить ситуацию.

Когда он это говорил, казалось, что внутренний жар разжигал тело Людмилы Павловны, а у остальных, сидевших в кабинете, щеки покрылись краснотой, а на лбу выступил пот. Всем показалось, что первый поднял инструкторшу не случайно и дошло дело до ее амурных отношений.

Лицо первого продолжало быть серьезным, а Людмила Павловна, отодвинув свой стул, стремглав выскочила из кабинета. Пока продолжалась пауза все услышали, как из приемной раздался голос виновницы вопроса:

– Григорий Васильевич! Мне тут на заседании Райкома здорово досталось из-за ваших случек. Не знаю или быки у Вас плохие, или зоотехники никудышные, или ассимиляторы не работают, но я немедленно выезжаю к Вам, решать вопрос так не годится. Так мы все надоем погубим. Ждите меня на летнем лагере. Я лично хочу во всем разобраться.

Было слышно, как туфельки инструкторши барабанной дробью застучали по ступенькам и только тут сидевшие в кабинете заулыбались, переглядываясь друг на друга. Первый, поняв реакцию аудитории, быстро продолжил дискуссию, переведя ее на серьезный лад.

А в это время Григорий Васильевич, выслушав монолог инструктора райкома, положив телефонную трубку, с недоуменным лицом оставался стоять в своем кабинете.

Его простой крестьянский ум не сразу понял, о каких случаях идет речь и что ему надлежит сделать пока Людмила Павловна едет в хозяйство.

– Если это шутка какая-то, то уж больно ушлая.

– Если уж дело серьезное, то так с наскоку не делается.

Время шло, надо было принимать решение.

Первый звонок к зоотехнику

– Степаныч, мухой хватай ассимилятора да пару мужиков покрепче и на летний лагерь. Будете, сукины дети, подымать процент стельности в натуральном виде и так показательно, чтобы райкомовскому начальству все этапы были понятны, а я подъеду позже! Головой отвечаешь и за себя, и за быков, хоть стрихнином их корми, а чтобы показательно работали.

– Элеонора. Это я председатель (на другом конце телефонного провода была столовая). Ну-ка побыстренько собери на пару-тройку персон харчей, я сейчас подъеду на Ниве – начальство едет некстати, не могу понять для чего, а встретить хорошо надлежит.

Райкомовский уазик и председательская Нива встретились у большого летнего лагеря.

– Ну что, Людмила Павловна, чем это мы Вам не приглянулись, вроде по всем вопросам в передовиках.

– Видимо не во всех. Эти Ваши случки... а меня подняли на райкоме, теперь разбирайся, а я причем.

– Людмила Павловна! Дело не в нас, а в быках, видать они не успевают.

– Я ничего не знаю. Показывайте, что к чему, а я уж разберусь.

На площадке летнего лагеря стоял дикий рев. Разгулявшиеся быки лихо делали свое дело, и для человека несведущего со стороны картина была экстремальная. С одной стороны, долго это наблюдать не было никаких сил, но и оторваться от этих картин натуральной жизни в природе возможности не было.

Людмила Павловна таяла на глазах, сначала все ее лицо покрылось потом, кожа рук и ног дрожала. Ей казалось, что какой-то внутренний жар раздирает ее внутренние органы. Видавший виды председатель понимал, что эту пытку Людмила Павловна с непривычки не выдержит.

– Василий, – обратился он к водителю уазика, – лети-ка ты домой, а я Людмилу Павловну сам привезу в район.

– Людмила Павловна, может поедем посмотрим, как у нас с озимыми, не все же любоваться на летний лагерь. Мы этот Ваш процент поднимем, не сомневайтесь, опыт у нас есть.

В эту ночь председательская Нива поздно поехала к дому, где жила Людмила Павловна. Больше в ее подшефном колхозе проблем со стельностью коров не было.

Приближалось время перестройки. Через 5 лет они поженились, и когда грусть подступала к их душам, они вспоминали эту историю!

7. «Светская любовь»

Любовь – коварное чувство, а светская любовь еще более коварна. Московский бомонд часто испытывал потрясения от любви той или иной крупной величины или знаменитости. Для великой артистки полюбить или проще говоря связать себя временными узами с той или иной особой противоположного пола было делом обыденным. Чаще встречались «так называемые неравные браки»: что-то великое и значимое с одной стороны и простое, но красивое с другой. Новоявленные золушки в надежде найти свою «опору в жизни» то тут, то там мелькали на различных светских приемах. Реже, конечно, появлялись красивые бой-френды значимых, именитых, в основном солидно внешне увядших дам, занимавших знатные места в иерархической лестнице культурного или властного мира. Этих бой-френдов оберегали от внимания толпы, реже афишировали и большей частью использовали для «прямого назначения», – для любви в дорогих апартаментах. Да, не было границ женской благодарности за любовь, которую они получали на этапе своего увядания. Это были не альфонсы – термин, широко распространенный в криминальном мире для определенной категории мужчин, живших за счет зажиточных женщин. Эти чувства были из другой области – здесь с одной стороны были яркие величины лучших представительниц женского пола далеко не бальзаковского возраста и мужчины, близкие по своей внешности к Аполлону, отличавшиеся должной культурой и создававшие своим поведением полный антураж взаимных пылких чувств, пусть и разделенных 25—50 летним возрастным разрывом!

Эта история продолжалась почти 20 лет и ее первый период, носивший в уголовном деле название московского, продолжался около 10 лет. Основными фигурантами, как порой говорят юристы-прагматики, была самая известная наша балерина 60 годов, уже закончившая свою активную творческую сценическую жизнь и молодой человек, которого звали Игорь, проживавший с семьей – женой и ребенком в пригороде Москвы. Как и где они познакомились, было неизвестно, но то, что с первой секунды из встречи между ними возникло сначала непреодолимое влечение, перешедшее в ослепленную любовь, несмотря на разрыв в возрасте в 40 лет. Кто из них обладал магическим чарующим качеством было неизвестно, но оказываясь вместе они лишь немного сдерживали свои чувства на людях и таяли друг у друга, когда сливались в объятиях. Кажется, это продолжалось целую вечность и не сразу в их отношениях появились проблески экономической заинтересованности одной из сторон, но все-таки потом юноша все более и более стал попадать на содержание великой балерины, да не только он один, но и вся его семья. По большому счету эти отношения устраивали лишь «наших» влюбленных, вышедший свет «косился» на кураж уже не молодой, ну пусть и великой балерины, а жены юноши с большой внутренней трагедией переживала все это, хотя от нее многое и скрывалось. Она не могла смириться с тем фактом, что ее Игорь принадлежал другой, пусть даже за большие деньги, за быстро нарастающую карьеру и обеспеченность их быта. Она чувствовала не только то, что Игорь отдаляется от нее, он становится другим, членом другого общества и его уже эта «мирская жизнь» коробит.

Уже первая попытка разобраться в отношениях в семье закончилась дикой трагедией. Игорь хладнокровно избил свою жену. Наверное, он избил бы и сына, несмотря на свое отношение к нему, но тот был у бабушки. Игорь был очень практичным и расчетливым, создав имитацию грабежа и изнасилования, он отнес труп своей жены в близлежащую лесополосу и закопал, недалеко от оживленной дороги.

Его жизнь снова продолжалась, он ничего не менял в ней, он никому не рассказывал о случившемся. Он не оставил никаких следов на месте совершения убийства, – он просто продолжал жить. Через несколько дней, как и требовалось, вместе с тещей подал заявление о пропаже жены в милицию и снова продолжал вести себя так, как вел себя до этого.

Несчастье Игоря заключалось в том, что дело о пропаже его жены попало неординарному следователю, который кроме исполнения обязательных в таких случаях оперативно-следственных действий, пошел дальше. Он глубоко разработал личность погибшей, время проведения Игоря, и «несомненно» от его внимания не ускользнули обстоятельства, детали продолжительного романа Великой балерины и Игоря. Постепенно он понял, что если кто и убил Люду – жену Игоря, так это мог быть только он сам. Оставалось самое тяжелое – доказать ему, что он это сделал. Не было несчастья, да счастье помогло. Несомненно, балерина узнала о гибели жены Игоря и, будучи женщиной интеллигентной и старой формации, особых вопросов не задавала. Романтическое равновесие нарушил сам Игорь. Между ними состоялся разговор, который стоил Игорю многих лет свободы.

– Я хочу, чтобы мы жили вместе постоянно. Я не хочу украдкой проникать в твой дом, я хочу бывать с тобой везде вместе, и меня не волнует, что о нас скажут.

– Милый Игорек, сейчас так не модно, нам никто не мешает жить вместе, но поскромнее, не бравлируя общественным мнением. Я слишком известная личность, чтобы обо мне писали лишнее в прессе. Я и мое искусство принадлежит народу.

– Ты принадлежишь мне! Разве ты не понимаешь, на что я пошел, чтобы мы были вместе, а ты меня отталкиваешь...

Она все поняла... Она поняла, что ради нее он убил свою жену и, вольно или невольно, стала участницей убийства.

– Игорь, иди в милицию, говори, что совершил в состоянии волнения. Я и мои друзья тебе помогут. Если ты так не сделаешь, недалеко и смертную казнь получить.

– Как это самому идти сдаваться.

– Да, самому, год-два в разлуке и снова жизнь будет прекрасной. Я тебя не брошу, ты не думай!

Когда следователь все больше и больше убеждался в том, что убийство совершил Игорь, он сам пришел к нему и написал явку с повинной. Следствие продолжалось недолго, а суд и того короче. Учитывая ряд обстоятельств, суд приговорил Игоря к 10 годам лишения свободы, отправив его отбывать в одну из Уральских колоний, где и пересеклись наши пути.

Конечно, для «чистенького, ухоженного» москвича Игоря северная колония впечатления не произвела, но постепенно он стал ощущать, что его не забыли. Сначала по распоряжению администрации его забрали из лесной бригады и перевели на работу в жилзону, а затем, нарушив все мыслимые и немыслимые статьи, расконвоировали и перевели на правах домашнего рабочего (обслуги) в особняк начальника колонии.

От балерины из Москвы он почти каждую неделю получал письма, каждое из которых можно было назвать произведением искусства. Сколько они несли тепла, доброты, искренних чувств. Игорь снова стал расцветать, он понимал, что недолго будет продолжаться его черная Уральская полоса в его жизни. Дело его пересмотрели в Верховном суде, скостили почти половину, да и настоящее времяпрепровождение больше подходило на длительную командировку в Уральскую глубинку. Начальник колонии, видимо по чьему-то приказу сверху, разрешил краткосрочную поездку в Москву, где Игорь увидел повзрослевшего сына и свою «как он звал» баронессу. Спустя почти месяц вместо 10 дней счастья и снова на Урал.

Конечно, ждать освобождения не хотелось, а бежать было просто пределом глупости. И в голове Игоря родился новый план. В семье начальника колонии была старшая дочь почти 25 лет, очень красивая, неглупая, самостоятельная, только что закончившая пединститут, работавшая в Перми и на выходные приезжавшая к родителям. Она не могла не заметить Игоря, а его внешние данные и манеры не могли не приворожить девушку. Она полюбила Игоря своей первой любовью, отдав ему все свои искренние чувства, забыв о его прошлом, думая лишь о счастливом будущем. Отношения молодых становились все более серьезными, и родители понимали, что влиять на все это уже поздно. Папа-начальник все сделал, чтобы досрочно осво-

бодить Игоря, предоставив тому возможность переехать в областной центр – Пермь, где сыграли пышную свадьбу, молодоженам сняли квартиру, и они счастливо зажили. Родители ждали прибавления в семействе. Игорь устроился на работу, но правда иногда уезжал в Москву повидаться с родней и сыном. Эти поездки были короткими, Игорь всегда возвращался в хорошем расположении духа с дорогими подарками для жены и ее родителей. Ничто не предвещало беды, как вдруг однажды Игорь, вернувшись из поездки в Москву, не нашел дома свою жену; не знали где она и в школе, не знали и родители. Начались поиски пропавшей девушки, но они ничего не давали. На Игоря нельзя было смотреть без слез, он был убит горем утраты, ездил к родителям жены, всячески их успокаивал, да и они его жалели.

В это время наша рабоче-крестьянская милиция делала свое дело. Она добросовестно искала труп, ибо все прекрасно понимали, что вряд ли удастся найти девушку живой. И опять Игорю «повезло», розыскник попался дотошный, он не просто выполнял обязательные мероприятия по розыску пропавшей, но и постарался всесторонне изучить личность как исчезнувшей, так и ее мужа. Он скрупулезно ознакомился с предыдущим уголовным делом Игоря, где он обвинялся в убийстве своей жены. Его внимание привлекли ходатайства известных в стране лиц, просивших не применять к Игорю длительного срока заключения. Он понял, что за всем этим стоит известная на весь мир прима нашего балета. Он читал ее полные любви письма и в личном деле осужденного Игоря и прекрасно понимал, что если кто и убил жену Игоря, то он сам и, наверное, сделал это, также как осуществил убийство своей первой жены. Сопоставляя факты, инспектор уголовного розыска понял, что сделал Игорь вероятнее всего по дороге в аэропорт, куда он ехал на машине, в последствии оставив ее на стоянке авиаотряда. Складывалась версия, по которой жена поехала провожать Игоря в аэропорт, а по дороге он и убил ее, а труп закопал рядом с дорогой, используя то обстоятельство, что удобных для этой цели мест по дороге в аэропорт Савино было много. Доложив свою версию руководству УВД, инспектор предложил, используя силы двух училищ МВД и ВВС, осмотреть 30 км путь в аэропорт, особое внимание уделив так называемым удобным местам. Капитан даже не радовался, когда на третий день одна из поисковых групп нашла признаки раскопок в пригородной обочине 21 км дороги Пермь-Савино. Была вызвана следственная группа и после непродолжительных раскопок на глубине около 50—70 см обнаружили труп жены Игоря. Проведенным вскрытием было установлена причина смерти (и тут Игорь был постоянен и вторую жену он убил несколькими ударами молотка по голове), дата смерти, совпавшая с датой отлета Игоря в Москву и др. важные детали. В суде Игорь свою вину не признал, хотя и был приговорен к 12 годам лишения свободы. Следователь, который вел дело, прекрасно понимал, что и срок и сколько он просидит зависит не от сути дела, а от того влияния, которое оказывает знакомая Игоря из Москвы, несмотря на свои 70 лет она продолжала его любить и беречь!

8. Два банкета!

«Красная стрела» стремительно уносила в ночь, увозя с собой пассажиров, решивших к новогоднему празднику успеть в Санкт-Петербург к своим близким и знакомым. Как метеорит в космическом пространстве, самый быстрый российский пассажирский лайнер разрезал вечернюю тишину.

Люди, уже рассевшись по местам, углубившись в свои дела и мысли, слились в одно целое с красотой салона поезда. Те, кто ехал не в первый раз, в окна особенно не смотрели, ибо быстрое мелькание пронесившихся мимо строений, придорожного леса, фрагментов пейзажа только раздражали утомившееся за день зрение.

Сергей ездил в Санкт-Петербург редко, да и только по служебной необходимости. «Криминальный характер» его работы делал его жизнь аскетически расписанной по минутам и соответствующей не только внутреннему распорядку, но и внешней аббревиатуре. Вот уже целые 10 лет он с успехом работал в Генеральной прокуратуре России следователем по особо важным делам. Перевели его туда из уральской провинции, где после расследования серии на шумевших дел и участия в спецбригаде Генпрокуратуры ему было предложено переехать в столицу и работать в Центральном аппарате. Он не был карьеристом, просто это были и престиж, и возможность поработать в «крупном криминальном мире». Сергей прекрасно сознавал, что нити всех солидных группировок, их экономические корни шли из Москвы. Он считал, что там и надо рубить эти концы.

В начале перестроечного периода такие кадровые переходы были уже большой редкостью, и поэтому Сергей без больших уговоров согласился. Кроме всего, уж больно заманчивыми были столичные бытовые условия – быстро предоставлялось жилье, работа супруге, и хорошая школа сыну. В остальном, чисто профессионально изменилось немного – те же командировки – только по продолжительнее и на более далекие расстояния.

Он достаточно быстро привык к Москве, ибо бывал там не часто, больше ездил, но тем не менее обзавелся друзьями, сначала в среде земляков, а затем уже круг расширился и охватил разные слои московского общества. В этом ведущую роль играли специфика его уральского характера: обязательность, общительность, знание меры во всем, открытость, достаточно высокий интеллект при общей скромности. Самым важным было то обстоятельство, что компании, в которых он бывал, не состояли из его коллег и не включали представителей других силовых структур, и беседы редко касались его профессии. Было, о чем и было с кем поговорить.

Жена свободно, без упреков, отпускала Сергея к друзьям, ибо понимала, что мужу надо было расслабиться, и не особенно боялась, что его совратят. Всю совместную жизнь она понимала и свыклась с мыслью, что Сережа упертый, дорожит работой и рисковать своей репутацией не будет. Она прекрасно догадывалась, что в таких компаниях были женщины, но Сергей не давал повода думать о себе плохо. Единственно, что ее беспокоило, это сознание того, что ее благоверный вступил в возраст Христа, был очень красивым, привлекательным мужчиной, который не мог не нравиться женщинам.

Повесив меховую куртку, Сергей уютно устроился в кресле, чуть сдвинув его и заняв комфортное положение, положил на колени дипломат, предварительно достав из него заранее приготовленную книгу, и углубился в чтение. Этот жизненный период у него совпал с чтением книг про Анжелику – «дефицит», который ему доставали его знакомые из нелегального книжного мира.

Начало 90-х годов было интересным, политически и экономически горячим и, тем более при его работе, надо было находить отдушину – расслабление и внутреннюю гармонию в чтении этих романтически приключенческих книг с прекрасным любовным компонентом. Детек-

тивы читать ему не хотелось, ибо любое его уголовное дело, даже без «художественной обработки» выглядело не хуже крутого детектива и, что главное, более правдиво.

Читая книги, он любил зрительно представлять образы героев, ощущать напряжение исторической эпохи, чувствовать красоту описываемых пейзажей, переживать интриги и взаимоотношения между людьми.

Прочитав отрывок, он на секунду замирал, уходил в свой внутренний мир и как на экране в своем подсознании представлял прочитанный фрагмент книги.

Так было и на этот раз. В который раз он представил образ Анжелики – собирательный портрет французской красавицы с неповторимым, дышавшим теплом телом, шелковисто гладкой кожей, прекрасными, слегка выющимися рыжеватыми волосами, широко открытыми глазами, которые искрились радостью и счастьем, с некоторой хитринкой, круглыми щеками, которые полыхали ярким румянцем и точеными алыми губками, как с рекламного щита. Ему казалось, что он чувствовал, как бьется ее сердце и при каждом вздохе подымается пышная грудь, с трудом удерживаемая корсетом. Да, женская красота вечная и всегда будет привлекать мужчин, как в мечтах, так и наяву. Тут ничего не поделаешь.

Прервав свое мечтание, он снова бросил взгляд в строчки книги и тут что-то рядом привлекло его внимание. Он повернул голову и увидел, что рядом с ним сидит женщина. Его даже пробил пот. Он подумал, что это наваждение, ибо рядом сидела Анжелика. Да, женщина, фатально похожая на тот образ, который он увидел в книге. Он не мог оторваться от притягивающей и манящей красоты реальной женщины.

Сергей замер от изумления. Женщина тоже почувствовала такой взгляд и повернула голову в его сторону.

– Что, попутчик, увлекаетесь несовременными сериалами? А мне вот и почитать некогда, полжизни провожу в поездках, только в поезде и отдыхаю. Вы что, домой в Питер?

– Нет, я в командировку, вот заодно и отмечу Новый год в Северной столице.

Они познакомились и разговорились. Дама оказалась руководителем солидной фирмы по продаже женской одежды. У нее в Санкт-Петербурге было несколько магазинов и салонов высокой моды. Муж крупный банкир, а сын учился в частном лицее за границей.

– Мне часто приходится ездить в Москву, по несколько раз в неделю, самой выбирать индивидуальный товар для салонов. Вот и сейчас везу несколько новогодних платьев для жен авторитетных лиц, а каждое по 4—5 тысяч баксов. Индивидуальные вещи от Юдашкина и других модельеров, дешевле не купить. Крик моды!

Она что-то еще говорила, а Сергей не мог отвести глаз, кажется, в его душе все перевернулось, он сердцем чувствовал эту красоту, эту завораживающую биоэнергетику, искренность и чистоту чувств. В голове промелькнула мысль – «Смотри, дама в бизнесе, а вся «натуральная», никакой косметики и духов. Так же не бывает. Ему даже показалось, что в ее глазах промелькнула ответная реакция, от которой приятная дрожь прошла по каждой клетке его тела.

– Как же Катя у Вас получается – ведь бизнес сегодня жесткий, как Вам удалось себя в естественном виде сохранить и не огрубеть.

– Тут ведь от человека многое зависит, от его закалки, от его внутреннего стержня и от тех целей, которые он перед собой ставит. Для меня главное во всем видеть красоту и чистоту чувств, чтобы людям нравился мой товар и моя работа, а деньги, прибыль – все это уже второстепенное. Истинная красота цены не имеет. Истинная красота и бандитов не боится, да и они ко мне особо не пристают. Даю кому надо «на чай», а так, чтобы идти, как Вы говорите кому-нибудь «под крышу» до этого еще не дошло. Ну полно, думаю Вы сами все неплохо понимаете.

Вот что, Сергей, приедем в Санкт-Петербург я Вас приглашаю к себе на Новый год. Наша фирма отмечает его пышно вместе с банком мужа. Вы не помешаете, а за моего не беспокойтесь, я тоже на полном доверии, да и у нас деловой брак, мужа больше интересует бизнес и деньги, а не я, так что вот моя визитка, а Вам уже решать.

Катерина взяла какую-то газету и стала читать хронику. Если бы Сергей в ту минуту представлял, что привлекло внимание Кати, которая изучала некролог о смерти высокопоставленного дипломата из МИДа. «Да, не досмотрели „организаторы“, ну кто же с большим сердцем испанскую любовь предлагает. Переборщили, надо было ему поспокойнее чувства и жил бы еще много лет».

Хотя, если бы эти мысли услышал Сергей, вряд ли бы что-то понял.

Поздно ночью поезд прибыл на Московский вокзал, на перроне их обоих встречали.

Особых дел у Сергея не было, он быстро выполнил командировочное задание и позвонил Кате на мобильник.

– Это ты, Сергей, хорошо, что позвонил! Завтра 31 декабря, встречаемся в ресторане, в гостиницу за тобой приедет наш водитель.

В голове мелькнула мысль, хорошо, что не в форме поехал, а скромно оделся, а то был бы как Дед Мороз у Елки.

В назначенное время в номер позвонили. Открыв дверь, он увидел прилично одетого, крупного мужчину с короткой шеей, мощными плечами и великолепной прической, который держал большой пакет в руках.

– Вы, Сергей Алексеевич!

– Да. Я.

– Вот наш босс передал Вам, я Вас подожду внизу.

Когда Сергей открыл пакет, то изумился, там была полная экипировка для выхода в большой свет, начиная от носок с ботинками до кожаной куртки и пыжиковой шапки. Пакет тянул на 5—6 тысяч зеленых.

Вот попал в историю, подумал Сергей, но отказываться было поздно, да и не хотелось!

Сергей быстро переоделся. Вся одежда идеально сидела на нем, было ощущение, что кто-то снял все мерки и индивидуально все подготовил, да еще все в тон и со вкусом. Впервые в жизни он был упакован, ну точь-в-точь принц из новогодней сказки.

Спустился вниз, проходя мимо портье, поймал на себе его удивленный взгляд – видимо «служивый» гостиницы был повержен его внешним видом и теми изменениями, которые в нем произошли.

У входа стоял небольшой джип Паджеро. Через минут 20 машина подъехала к ресторану в центре Невского проспекта. Водитель проводил Сергея в банкетный зал. Большинство гостей были уже в зале. Всех встречала Катя с мужем.

– Андрей Сергеевич, – обратилась Катя к мужу. – Это наш Московский знакомый Сергей Алексеевич, я тебе о нем говорила.

Муж Катерины был намного лет старше, весь сверкал изяществом и драгоценностями, поздоровался с Сергеем и переключился на других гостей. Сергей его не впечатлял.

Сергей был во многих компаниях – но этот бомонд поразил его. Он о таких даже в своих делах о крупных махинациях с миллионами долларов не слышал. Здесь было все, и дорогое и знаменитое, и красивое и редкое, и вкусное и яркое. Все в степени супер и все с великолепной режиссурой, даже руководство мэрии и Ленсовета было, не говоря уже о прокуроре города, которого он увидел среди гостей. Тот, конечно, не узнал Сергея, хотя только утром они встречались. Сергей был так одет, что его не узнала бы его родная жена. Вечер был прекрасным, Катя несколько раз танцевала с Сергеем и в один из танцев сказала:

– Вы не исчезайте. После вечера поедem отдыхать. Это я себе подарок хочу сделать на Новый год. Не думай ничего плохого!

Далеко за полночь феерический банкет закончился, Сергей потерял Катю из вида и уже двинулся к выходу, когда к нему подошел все тот же водитель.

– Сергей Алексеевич! Я за Вами, машина ждет.

Они вышли из ресторана и сели в джип, кроме водителя и Сергея там никого не было. В душе как-то успокоилось. Он решил, что Катины слова были шуткой. Внутри растекалось приятное тепло проведенного вечера.

Машина, набирая скорость, пошла в сторону пригорода и через минут 30—40 остановилась у ворот огромной виллы, больше походившей на Дворец времен Петра I. Джип заехал вовнутрь. Шофер указал на вход, и Сергей направился внутрь. Когда он зашел, то был поражен — это был древний зал как в книге про Анжелику; горели свечи, в камине сверкали языки пламени, на стеклах висели дорогие картины. В центре зала был сервирован стол, около которого стояли два стула. И тут он увидел, что на одном из них сидела Катя в одежде Анжелики из его любимой книги. Он все понял, сел за стол и закрыл глаза...

3 января он возвращался домой в Москву этим же поездом. Кроме дипломата с ним был фирменный чемодан, в котором лежал его новогодний карнавальный костюм. Ему казалось, что он во сне и все, что с ним произошло — это было даже не сказкой, а экранизацией сюжета из книги про Анжелику!

Он ничего не боялся, потому что понимал, что если даже кому-нибудь об этом расскажет, ему не поверят.

Когда он вернулся, его снова закружила текучка. Катя не звонила, и он решил, что и был для нее лишь «подарком-игрушкой». Перестал переживать, но забыть не мог.

Даже жена поверила, что одежду ему подарил друг, которого встретил в Питере, иного она и представить не могла. Удивило жену лишь одно обстоятельство, что ни на одном предмете одежды не было фирменных ярлыков. На что Сергей отвечал — товар индпошива, вот как теперь, если захотят, все делают под заказ и лучше, чем на Западе.

Под старый Новый год один из московских фирмачей пригласил его на юбилей-презентацию фирмы. Отказываться было нельзя и Сергей, надев свою Новогоднюю униформу, прибыл на банкет. Конечно, все было попроще, чем в Питере, но то же красиво и когда вечер близился к концу, друг Саша подошел к нему.

— У меня для тебя сюрприз. Сейчас поедем в Архангельское, там вторая закрытая часть презентации, только для великих. Из гостей, будут ты, да я, да мой зам. А там будет высший свет вплоть до бизнес-вумен и для тебя тоже. Это все очень дорого, но не бойся, никаких провокаций и съемок, так что расслабься. Этот банкет нам в 1 млн. зеленых обошелся. Ты даже представить не можешь, что каждая из женщин по тарифу по 50 тыс. зелеными тянет. Этот банкет того стоит, мы заняли такую нишу рынка, которая нам за 1 месяц все эти расходы окупит.

Отступать было некуда, и они покатали в Архангельское.

Всю дорогу Саша твердил —

— Слушай, Сережа, кто тебя так одел, ты как от Юдашкина, кстати и он там будет.

— Да это мне друг в Питере подарил на Новый год.

Подъехали к вилле, там была мощная охрана, все производило впечатление серьезности и значимости мероприятия, а когда он вошел в зал, все последние сомнения рассеялись. Была вся элита Москвы, которую он мог себе представить.

Изобилие было во всем, в красоте зала, в красоте стола, в красоте и пышности гостей. Это было как изысканный фрагмент фешенебельного приема на Западе.

Сергей потихоньку успокоился и забыл слова Саши о персональной вумен для него, как вдруг ощутил, что кто-то нежно взял его за локоть. Он повернулся и обмер. Это была Катя. Он был готов провалиться сквозь землю, но это была она.

— Ну здравствуй, Сережа! Не ожидал! Теперь ты знаешь мою тайну, мою истинную жизнь, ту, которая дает мне самостоятельность и значимость. Не ругай меня, да я женщина по вызову, как у Вас говорят, но очень дорогая. И я хочу, чтобы в этой истинной для меня жизни, и ты был рядом. Я знаю, что я когда-нибудь найду и свою настоящую любовь, а это все — путь

к этой любви. Не отвечай ничего! Сейчас я понимаю, что ты думаешь. А все то, что ты видел в Питере – это моя вторая жизнь, и ее я живу по правилам! Вот такой путь я выбрала для своей жизни! Я знала, что найду свою любовь, и ради этого можно было пройти такой путь. Через мою душу прошла не только судьба известных людей, и я постаралась не запачкаться от этой красоты и богатства. Да, я много знаю и мне будет очень трудно уйти из этого дела. Видимо, потому любовь и привела меня к тебе или тебя ко мне. Я не хочу, чтобы кто-то страдал от этого, но я знаю, что решать тебе. Дело не в деньгах, их нам на все хватит, а дело в том, примет ли меня твоя душа, твое сердце!

9. Царские подвески

О, какой это был спектакль. Уже одно то, что в наш город приехала труппа знаменитого московского театра и всего для двух спектаклей, было достаточно для аншлага. Сам спектакль был известным для театральной общественности, труппа включала много прекрасных исполнителей, легендарных артистов не только театра, но и кино. Хотя наш город имел свой неплохой драматический театр, ставивший прекрасные спектакли, а его артисты были высокопрофессиональными и нравились зрителям, весь город с вождением ждал этих спектаклей. Ажиотаж нарастал, слишком многие хотели попасть в число счастливицов. Но были и другие не менее важные обстоятельства, такие как престижность спектакля, его дефицитность, которые определяли статус зрителей этого спектакля. Все понимали, что в последнее время резко изменились признаки так называемого «особого» контингента зрителей, их стало значительно больше, от обычных товароведов, завскладом, завбазой и прочего нашего богатого исторического прошлого на авансцену вышли не только набившие оскомину «новые русские», но и представители властных структур, правоохранительных органов и просто других важных и нужных людей. Были «театралы», которые по своему служебному положению должны были посетить этот спектакль. Все это создавало такую плотность на одно театральное место, что получить билет было архисложно. Место в этом зале во многом констатировало и предопределяло настоящий и будущий авторитет и социальную нишу человека, место в этой жизни. Ну, бог с ним с этими зрителями, кто пришел, какое место занимает – это не самое важное. Важно, как они подъезжали, во что были одеты, как внешне выглядели, с кем пришли. Для некоторых зрителей, особенно, пока спектакль не начался, это было самым важным периодом. Это надо было видеть, запомнить, понять, сделать правильные выводы, чтобы потом не ошибаться по жизни с кем можно, а с кем нельзя общаться, вот вам и инфраструктура спектакля. Буфет вообще потерял свое принципиальное значение.» Новый русский» и новый зритель приходил на спектакль сытым. В преддверии спектакля все асы парикмахерского и косметологического искусства города были нарасхват. Конкурс их мастерства начинался перед спектаклем, достигал своего апофеоза в помещении театра, где уже и происходило подведение итогов на лучшую прическу. О мужских или женских туалетах следует говорить особо. Это был высший пилотаж. Все самое лучшее, как на хорошем подиуме, вождественно покрывало прекрасные мужские и женские тела. У новичков глаза разбегались от палитры красок, покровов, элегантности, открытости вырезов и разрезов. Со смокингами мы провинциалы, конечно, отставали от столицы, а вот в плане от Диора, от Зайцева, от Юдашкина, или просто в комплектации» новых русских» были на голову выше столицы. В наших коллекциях золота и изумрудов было побольше, чем в Большом театре и телохранителей в фойе толпилось достаточно. Люди это были особые, их отличало не только хорошее физическое развитие и прямые пропорции форм тела, но, что особенно важно, у них был какой-то особый взгляд, не только преданный особе, которую охраняли, но и уходящий в какой-то только ему понятный собственный внутренний мир.

Зал медленно с достоинством пережевывал красоту, блеск, дороговизну, а в некоторых случаях раритетность туалета и украшений каждого из входящих в зал или фойе театра, в памяти прочно откладывались данные личности, владевшей всем этим богатством. Во многих случаях ничего случайного во всем этом не было. Если человек занимал достойное место в иерархической или служебной лестнице, значит и «обмундирование» у него было заслуживающим всего этого.

У каждого спектакля была своя изюминка, в том числе и по части экипировки, этикета. У этого прекрасного спектакля было одно чудесное обстоятельство, которое надолго лишило покоя многих наших знаменитостей, особенно их жен.

Минут за 30 до начала спектакля в холле появилась особа, сразу обратившая на себя внимание. В ней все было прекрасно: и одежда, и тело, и изумительная внешность. Она прямо вся сверкала на фоне окружавших её особ. Ее внешность не носила отпечаток нелегкого прожитого дня, груза семейных и других забот. Но особенно поразили всех драгоценности, которые были на ней – это были изумрудные подвески и казавшиеся огромными изумрудными браслеты. Все это было неопишуемой красоты, и, что важно было – в гармонии с её телом, и придавало ещё большую красоту и привлекательность этой молодой женщине. Когда она проходила по холлу, со всех сторон слышалось тяжелое дыхание изумленных дам. Поражало, однако другое, эти драгоценности до сегодняшнего дня имели в городе своего хозяина. Вещи были штучными. Привезены одной известной дамой из Непала, где были сделаны специально только для неё. Она могла позволить себе приобрести такие драгоценности за несколько десятков тысяч долларов, и не боялась за их сохранность. А тут эти же драгоценности, но на другой женщине.

Какие только фантазии не рождались в головах.

Если она их купила, что само по себе сомнительно, так как же раритеты обычно не продают, то где она могла взять столько денег. Та, которая носила эти драгоценности в эти минуты, была по профессии врачом, хоть и хорошим, но только врачом. Да, она имела прекрасную внешность, но вряд ли кто-либо из её близких или «далеких» мог сделать ей такой подарок.

В зале погас свет, начался спектакль, на сцене появились великолепные артисты, но это не придало спокойствия части аудитории. Дама с царскими подвесками сидела в одной из центральных, хорошо обозримых лож и поэтому, когда луч театрального прожектора скользил по залу, он нет-нет, а выхватывал сверкавшие на ярком свете голубовато-красным переливом драгоценности. Они просто горели на пышной груди, и их несказанный цвет не давал успокоиться лучшей половине зала. В голову не лезло даже содержание спектакля, а тем более и игра артистов. Даже мужья стали обращать внимание, что их жены постоянно ворочают свои головки в сторону центральной ложи. Некоторые из них догадывались, о чем идет речь, но больше в плане красоты и высокого рейтинга сидевшей там дамы с прекрасной внешностью и такими драгоценностями. Мужчин мало волновало, откуда они у неё появились. Мозг женщин не унимался – так все-таки, как они ей попали. Муж подарить не мог, тем более что сумма была за пределами для большинства из зажиточной части города. Если подарил «любовник», так вроде никто не представлял вообще любовников этой дамы, тем более, чтобы они были в состоянии приобрести такое богатство. Не проходил и такой вариант, что владелица драгоценностей дала их поносить. Вроде они не были так близко знакомы, да и обычно такие вещи не дают носить. Может быть, это были удачно сделанные копии, тут было трудно определиться на чужой груди подлинник это или копия. Особенная активность пересудов достигла в перерыве, когда уровень внутреннего женского анализа достиг такого порога, что не мог удерживаться в груди и желал с кем-то пообщаться. Это чувствовалось по тому, что когда дама с подвесками проходила по холлу, за ней по окружающим проплывал легкий гул разговоров и пересудов. Спокойствия не было и на перерыве. Некоторые из знакомых этой дамы подходили, здоровались, о чем-то мило перешептывались, не сводя глаз с поразительных подвесок. Но все боялись задать вопрос о драгоценностях, считая такие вопросы некорректными. Рейтинг прекрасной дамы умопомрачительно возрос, она затмила даже жен великий мира нашего города, которые отошли на второй план, ибо были одеты только красиво. Броско, богато, но все равно не так как эта. Чувствовала и сама носительница драгоценностей, что испытывает апофеоз внимания к себе. С ней здоровались и общались даже те, кто себя относили к такой высокой неприкасаемой касте, что не считали возможным подходить хоть и к талантливым, но врачам. Дама понимала это, но как положено женщине, знавшей себе цену, умела долго «держатъ ноту». Она молча дефилировала по холлу, как можно чаще и с разных ракурсов показывая и себя и свои драгоценности. Самое главное, что она ходила одна. С ней не было ни ее мужа, никого вообще. Она была одна с драгоценностями. Несомненно, она знала, откуда у неё появились эти драго-

ценности, как и при каких обстоятельствах владелица дала их одеть. Но они обе добились своего. Они довольно больно ударили по женскому самолюбию основной элитной массы. Основная героиня напомнила о себе, чтобы не забывали, кто владелец этих царских подвесок. Еще больше выиграла та, которая взяла поносить драгоценности – её рейтинг так высоко взвился, что до сих пор не опускается. Вот вам и мелочи нашей светской жизни.

А спектакль действительно был прекрасным, как на сцене, где играли прекрасные артисты, так и в зале, где сидели прекрасные зрители, которые тоже устроили содержательный спектакль.

10. В пасти у льва

В начале семидесятых я был призван в армию для прохождения переподготовки. Столица Урала, в те времена носившая имя известного революционера Свердлова, встретила холодом и снежными выюгами. Спасало тепло учебных комнат, а также уют и офицерская дружба гостиницы, где мы жили. Вечера проводили по-разному, но в основном традиционно – небольшая выпивка, хорошая закуска и игра в карты. Из классических принципов офицерства – быть хорошо выбритым, слегка пьяным и уметь играть в бильярд – хорошо прижилась лишь одна – быть слегка пьяным. В меньшей степени мы стремились быть хорошо выбритыми и те более уже почти никто не умел играть в бильярд, а картами бильярд не заменить, масштаб не тот.

Был среди нас лейтенант Саша Пахомов из Кирова, небольшого роста, но физически очень крепкий человек. В отличие от нас, он неоднократно бывал в Свердловске и имел постоянных знакомых, к которым часто уходил вечерами погостить, а возвращался под утро. Такие перегрузки его не утомляли, так как Саша был профессиональным спортсменом, прыгуном м трамплина. Своим спокойствием и выдержкой он поражал всех, особой разговорчивостью не отличался и практически не пил, соблюдал режим. Я никогда не думал, что прыжки с трамплина очень чутко реагируют на выпивку. Чуть переборщишь – и полеты не идут. Сам не прыгал, но Сашке верил.

И вот однажды под вечер обычно молчаливый Пахомов произнес:

– Ну что, ребята, кто пойдет на день рождения? Моя подруга пригласила, только есть одно, но. У них дома живая львица живет, правда небольшая, года два. Родители у нее биологи, выращивают по договору эту кошечку для зоопарка, где сами работают.

– И давно ты туда ходишь, наш прыгун – спросил я – и как нашел общий язык с львицей. Я так понимаю, что с дочкой хозяев значительно проще, а вот с царицей зверей – тут мужских достоинств не хватит.

– Да полно вам смеяться. Львица вполне солидная, да и закрывает ее моя подруга в спальне, пока мы общаемся в гостиной.

– Ну ты парень рискованный, или у вас все прыгуны такие отчаянные. А если львица ненароком выйдет, в лучшем случае зайкой станешь.

– Но я же, как видите, не заикаюсь, так что и вам нечего бояться

– И сколько человек эта гостиная выдержит, все-таки ночевать приглашают.

– Думаю, человека 3—4 вполне, да я еще по дороге придумаю что-нибудь, – сказал Саша.

В предвкушении такой встречи пошли самые рискованные. По дороге, как было принято, затарились, чтобы не с пустыми руками являться в гости, и быстро добрались до места. Сашина подруга жила недалеко от гостиницы. Вся компания столпилась у двери, дверь открыла симпатичная девушка. Увидев Сашу и друзей в офицерской форме, она заулыбалась. А я обратил внимание, что все мы особенно не глядим на девушку, а как-то все мимо нее вглубь комнаты. Она поняла наш интерес.

– Ребята, не волнуйтесь, Эльза отдыхает после еды, и вам нечего бояться, проходите, раздевайтесь.

Саша с Люсей (так звали девушку) прошли в гостиную, а мы в прихожей не спеша стали раздеваться. Когда я стал вешать шинель на вешалку, то замешкался. В этот момент что-то мокрое уткнулось мне в спину. Разумом я понимал, что не стоит бояться, но парализующий волю и все органы чувств страх сковал меня как каменное изваяние. Мне показалось, что эта пауза длилась вечность. Спинным мозгом я понял, что это была львица, которая меня обнюхивала. Может это для нее был новый запах, а для меня – это был новый этап в жизни. Я был готов отлететь в мир иной и сожалел лишь, что делаю это в расцвете лет, да еще в пасти льва. Мелькнула мысль: так и напишут, что съеден диким зверем, даже если до смерти не загрызет,

то уж позабавится это точно. И что я ей понравился – из всех ребят я был самым худеньким. Я даже не обратил внимание, что остальные тоже замерли, как на картине одного известного художника – не ждали.

Не зря говорят: долог путь в вечность. А мой путь длится до сих пор. А тогда я замер, как мрамор, не двигаясь, не дыша. Гробовое безмолвие было прервано голосом Люси:

– Ну Эльза, ну негодница, как же ты выбралась из спальни. Давай не пугай ребят, иди спокойно.

Она взяла и увела львицу. В тишине раздавались глухие шаги зверя по паркету. Вся внутритканевая жидкость моего худого тела превратилась в пот и ручьем скатилась в сапоги. Опустившееся в пятки сердце медленно поднималось на свое место. Трясущиеся руки повесили шинель, сняли сапоги. Зашли в гостиную. В центре стоял украшенный и сервированный стол, полный еды и выпивки. Молча мы расселись. Ни первая, ни вторая рюмка водки не сняли напряжение, которое находилось внутри.

Не зря говорят, что страх страхом выбивают. Люся встала и открыла дверь в спальню, и мы увидели, как в свете хрустальной люстры показалось это чудо природы. Никто из нас так близко львов не видел никогда. Эльза зашла в комнату, у нас весь страх и прошел. Это была большая и красивая кошка. Ее шерсть напоминала прекрасный натуральный персидский ковер, который хотелось погладить. Чистый природный рисунок шерсти отливал теплотой. Ее красивые глаза, казалось, смотрели одновременно на нас всех.

Теперь нам было все равно. Все-таки когда видишь опасность перед собой, не так страшно. Передо мной на хрустальном блюде лежала курица с поджаренной корочкой. Я взял самый крупный кусочек и бросил Эльзе, никто и помешать не успел. Как только это яство достигло головы львицы, ее пасть открылась, угрожающе блеснув огромными клыками, и кусочек мяса исчез внутри.

– Ребята, не балуйте зверя, а то она все подьест со стола, – сказал Саша.

Только потом я понял, что натворил. Эльза обошла стол, села рядом и, не отводя глаз, смотрела только на меня.

– Кормилец ты наш, смотри, больше ничего не давай, а то вот жалостливый какой нашелся. Саша тоже ее поначалу прикармливал, тоже боялся, потом перестал. Эльзу хорошо и много надо кормить, чтобы ей кто-то понравился, и все равно она зверь, хоть и прирученный. Так что не портите ей аппетит, у нее другой рацион – сказала Люся.

Вечер шел своим чередом, алкоголь все глубже проникал вовнутрь, с каждой выпитой рюмкой страх исчезал, а Эльза все уменьшалась в размерах и не казалась смертельно опасной. Ее уже гладили, потихоньку кормили. Даже танцуя, не боялись, когда она двигалась между нами. Часа через полтора в комнате появился смех. «Хорошо, что не лев. Это самка к мужикам ласковее, чувствует запах, – подумал я. – Не зря же она меня обнюхивала, значит тоже сексуально озабочена».

Когда мы возвращались домой, разговаривали все. Колкости в основном были направлены в адрес Сашки. Этому тихоне досталось от всех.

– Ну ты сексуальный маньяк. Видимо кайф ловишь, когда с подругой каскадеришь, зная, что львица за дверью. Хочешь не хочешь, а невидимая сила подгоняет.

– Смотри, Эльза приревнует, тогда берегись, она и Люду не пожалеет.

Сашка шел и молчал. Кто знал, что у него было на душе.

Когда я прихожу в зоопарк, то всегда останавливаюсь у клетки со львами. Сразу в памяти всплывает этот случай, а в душе кажется, что снова увижу Эльзу, ведь львицы живут долго.

11. Газетный вариант большого детектива

Так случилось, что она рано потеряла свою мать. Маму заменил отец и не просто заменил, а стал для маленькой Марты всем. Ради дочери он пожертвовал личным счастьем. В его преуспевающей жизни потомка древнего рода другой женщины не было.

Строгие красоты Риги, брусчатка мостовых, красивая черепица на покатых крышах, серьезность органной музыки костелов навсегда вошли в память девочки. Она любила гулять с гувернанткой – старой дамой, которая своей внешностью и манерами дополняла строгость красот родного города. Их родовой дом был практически в центре, его стены украшали картины старых мастеров, гобелены ручной работы. В зеркальном блеске мраморных полов отражались своим великолепием люстры, огонь каминов создавал атмосферу тепла и уюта. Марта росла в роскоши быта, строгости воспитания и безмерной отцовской любви. Позади был пансион, где в окружении таких же, как она, Марта получила глубокие знания по многим предметам. Ей привили хорошие манеры, глубокую религиозность и чистоту мыслей. За древними и казавшимися огромными стенами их пансиона они же слышали, как бурлила общественными катаклизмами их Рига, как продвигалась к ее Родине новая экономическая формация. Она строила планы дальнейшего образования в университете, как все в одночасье рухнуло, и они с отцом оказались в вагоне грузового поезда, который уносил их в Сибирь.

Как потом оказалось, это еще был не самый худший в тот момент маршрут, и самое главное – они с отцом были вместе. Отец, к тому времени совсем уже немолодой человек, весь седой и уставший, несмотря на всю трагедию ситуации, поддерживал дочь.

Он понимал, что против системы один человек ничего не сделает, система его просто раздавит, но дочь, его любимая Марта должна была жить. Выжить в этих новых условиях. Он верил, что ее ум, природная красота, воспитание, сильная внутренняя вера помогут Марте построить свою жизнь, конечно, может быть не так, как он мечтал. В этой истории годы мелькали как станции на их долгом пути в сибирскую глубинку. Поезд прибыл в далекий лесной сибирский поселок, а пассажиры поезда составили трудовые массы на лесоповале вековых деревьев. Не все выдержали такой труд, кто-то умер от болезни, кто-то погиб от своей неловкости под падающими деревьями, утонул на лесосплаве или просто заблудился в тайге, когда пытался бежать из этих мест.

Марта с отцом жили вместе, отец работал мастером на делянке, а Марта в конторе леспромпхоза в бухгалтерии. Как и думал отец, ее красота, ум и воспитание могли или стать причиной трагедии или наоборот сыграть положительную роль в ее судьбе. Сын директора леспромпхоза – красивый, крепкий, умный и тоже воспитанный парень обратил внимание на красоту Марты и стал за ней ухаживать, несмотря на то, что девушка имела статус «поселенки». Парень уговорил отца, чтобы тот «выправил» Марте чистые документы, ибо он решил связать свою судьбу с понравившейся ему девушкой.

– Делай что хочешь – заявил он отцу – а я без Марты в город не поеду.

Когда Марта рассказала своему отцу о предстоящем событии, тот понял, что для его любимой дочери это единственный шанс выбраться из этого тяжелого мира. Кругом шла война, парня на фронт не брали, да и Марта к Федору относилась с симпатией. Он благословил дочь. В областном центре Федор с Мартой сняли квартиру. Федор учился на филологическом и играл в студенческом театре, а Марта поступила в мединститут. Все у них складывалось хорошо, особенно получалась у Федора его театральная жизнь, и к окончанию ВУЗа его привлекали к работе в труппе областного драматического театра. Марта радовалась за успехи мужа, ходила на все его спектакли, дома с радостью обсуждала перипетии театральной жизни.

Победу они уже встретили в Москве, куда переехала молодая семья. Федор понравился московскому режиссеру, и тот его уговорил переехать в столицу на подмостки одного из мос-

ковских театров. Марта закончила Московский мединститут и пошла работать в одну из правительственных клиник. На работе у нее тоже все получалось. Работала она ответственно, и несмотря на свою природную скромность и молодость, стала личным врачом одного из высокопоставленных правительственных чиновников.

В их семье родилась дочка, которую называли Елена в честь мамы Марты. Родители души не чаяли в своем ребенке, тем более, что несмотря на трудности послевоенных лет они нужду не испытывали. Кремлевский паек, да театральная зарплата ставшего, несмотря на молодость, одним из ведущих артистов Федора, создавали прочность их домашнего быта. Их небольшая квартира, окнами выходившая на улицу Горького, около Елисеевского гастронома всегда была наполнена счастьем, радостью, весельем гостей, теплотой и уютом.

Родители Федора приезжали редко, отец Марты до 1953 года вообще не приезжал, даже письма не писал, боялся навредить дочери. Он к тому времени стал главным инженером леспромхоза, продолжал жить один и мало кто из земляков мог догадаться, что он и их директор Силантий Федорович были близкими родственниками. После 1953 года отец Марты приехал проведать дочь, зятя и внучку и пожив с ними немного, порадовавшись за счастье дочери, подался в родную Ригу, где оставались многочисленные родственники, останки предков и родовой дом, ставший к тому времени «Рижским домом юного творчества».

Он поселился в пригороде на хуторе, где жили родственники его брата, вышел на пенсию, разводил пчел. Он не мог сидеть без дела. Век ему достался длинный и когда он умер, достигнув 80-ти лет, его дочь уже работала лечащим врачом одного из руководителей страны. Федор стал народным артистом СССР, а внучка Лена училась в последних классах школы. Марта съездила на похороны отца, оставила родне деньги на памятник, походила по родной Риге и возвратилась в Москву, так и не рассказав никому, куда уезжала на неделю из столицы. Они приехали жить в красивый дом на Кутузовском проспекте, где жили «большие люди» страны. Лена ходила в «закрытую школу», окончила ее, и так же, как и мать поступила в Московский медицинский институт, к окончанию которого выбрала специальность психиатра. Марта устроила дочь тоже в Московскую больницу. И та, пройдя подготовку у лучших профессоров страны, а затем за границей, стала очень знающим специалистом в своей области.

На одном из праздников дома она познакомилась с Игорем – сыном замминистра иностранных дел, семья которого жила также в этом доме. Они познакомились, подружились, стали вместе проводить свободное время, занимались спортом. Их многое объединяло, и постепенно чувства друг к другу окрепли и переросли в большую любовь. Их свадьба была пышной и богатой, гости высокопоставленными, а подарки дорогими.

Связи Марты и отца Игоря помогли молодым решить жилищные проблемы. На их небо-склоне все было безоблачно. Игорь стал, как и отец работать в МИДе, а затем перешел в одну из министерских внешнеэкономических структур. Часто ездил по командировкам, осваивал мировую экономику, а Лена, родив к тому времени сына Сашу, и оставив его на попечении нянек, стала осваивать новое направление в медицине – психотерапия – лечение пограничных психических состояний. Актуальность такой науки была велика, ибо Лена работала в кремлевской клинике с таким контингентом, психотравмирующие факторы которого нередко приводили к нервным срывам у всей страны.

Поддающая большие надежды молодой доктор, при поддержке близких, создала прекрасное отделение, в котором могли поправить нервы или просто укрепить нервную систему многие наши руководители. Саша подрастал, Игорь рос по служебной лестнице, приближалось время перестройки. Несмотря на солидный возраст, Федор продолжал работать в театре, имел большой успех. Марта защитила кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию, стала профессором и совмещала в одной из психиатрических клиник.

Елена на своих сеансах, используя методики психоанализа, внушения, нередко узнавала те события, о которых все простые смертные вынуждены были узнавать из газет.

Анализируя услышанное, она прекрасно осознавала, что страну ждут экономические и политические катаклизмы, расслоение общества, перераспределение капитала и катастрофы. Рассказать это отцу или Игорю она не могла, так как они ни душой, ни своим естеством не принимали грядущие изменения. Отец всего себя отдавал театру, а Игорь чтобы заглушить метания души, начал потихоньку пить. Сначала он это делал в командировках, а затем уже и дома. Лена сколько могла боролась, а потом махнула рукой, только старалась, чтобы подрастающий Сашка не увидел пьянства отца.

Голова Лены была больше занята работой, она чувствовала, что приближаются времена больших экономических взлетов, она понимала, что головы ее пациентов, напряжение их нервной системы исходило из осознания надвигавшегося периода большого «экономического чуда». Кому надо было спасать «золото партии», кому-то думать о своем экономическом будущем, кто-то переживал о будущих хозяйствах наших богатых недр, заводов, фабрик.

Лена понимала, что в этом переделе не только много стрессов, но и то, что идут новые силы, новые хозяева новой жизни. Иногда на ее сеансах появлялись личности, имевшие большой авторитет, но не имевшие ни образования, ни высокой родни. В ее мир постепенно входил и «высший криминалитет». Общась с ними, выполняя свой профессиональный долг, она понимала, как уже много знает, как близки к ней «великие тайны» будущих обогащений, предстоящих путей «оболванивания» простого народа.

Она всем своим естеством чувствовала, что близка к осуществлению своего огромного желания – полной независимости, во власти денег. К тому времени она высокопрофессионально могла вводить своих пациентов в различные трансовые состояния, погружаясь во внутренний их мир. Не только корректировать различные отклонения, но и внушать им порой неожиданные подходы к различным жизненным ситуациям.

На пороге были уже 90-е годы 20-го столетия. Перестройка рухнула, так и не выполнив ни одной из своих задач, в стране как в лихие гражданские годы развивались политические катаклизмы и текли экономические потоки шальных денег, которые аккумулировались в определенных структурах или у определенных лиц, мышление которых или опережало время или хорошо срежессировало происходящее.

Лена прекрасно понимала, что общась с одной стороны с официальными владельцами страны, а с другой с «криминальными авторитетами», имеет прекрасный строительный материал, который пойдет на создание здания ее жизненного счастья.

Надо было только научить одних экспроприировать деньги у других и осознанно переводить на счета, принадлежавшие ей.

Будучи за рубежом, Игорь по ее просьбе открыл несколько анонимных счетов в различных банках, доступ к которым могла иметь только жена. Далее ее искусство и техника «зомбирования» приводили к тому, что суммы лежащих средств на ее счетах неизменно росли.

Конечно не всегда сильные мира сего добровольно расставались со своим богатством, пусть и незаконно нажитым. Нередко дело заканчивалось кровавыми разборками, но все участники событий не знали и даже не догадывались о том, кто был этому причиной. Они не могли даже представить, что обожаемая ими доктор Елена каждому из них готовила свою роль, кому – палача, кому – жертвы.

Даже смерть отца не остановила Елену. Она стала жить с матерью и сыном в огромном загородном доме в Переделкино, продолжая ездить на работу в клинику. Игорь как-то незаметно отошел от семьи, жил в Московской квартире. Работал в Министерстве, но уже не на первых ролях, поэтому пил еще больше. Выходя как-то из ресторана в большом подпитии, попал под колеса иномарки, за рулем которой находился «новый русский». Того и искать не стали, списали на несчастный случай. А ведь если бы покопались, то могли обнаружить тот факт, что этот водитель был клиентом Елены.

Сын окончил школу, поступил в английский колледж. А Елена с матерью выехали в Швейцарию. Вначале якобы на лечение, мать болела, а затем и остались там жить приобретя большой дом в одном из швейцарских.

В стране оставались нераскрытыми много убийств, но некоторые из них были под контролем. Однажды, расследуя отдельные случаи, следователи Генеральной прокуратуры обратили внимание на такой факт. Предполагаемых убийц, заказчиком и жертв связывала общая деталь: все они посещали клинику Елены. Все больше вдаваясь в детали этих преступлений, следователь стал понимать, что кто-то «невидимый» был режиссером этих убийств. Он убедил руководство, что ему нужна поездка в Швейцарию, и поездка состоялась.

Несколько часов продолжалась беседа следователя с Еленой. Оба прекрасно понимали, что не существует никаких доказательств, которые бы показывали на вину Елены.

– Елена, я понимаю, что мне не добиться Вашего признания, несмотря на логику моих фактов. Я понимаю, откуда корни ваших миллионов, но вряд ли смогу доказать, что они добыты грязными руками. Но поймите меня как профессионала, мне важно знать, что мой путь был верно просчитан.

– Может Вы и правы, и все действительно так было. Но если уж криминалитет не смог понять, то уж вы никогда не докажете, хоть и уйдете отсюда с осознанием исполненного долга.

Следователь вышел из кабинета, прошел во двор и увидел в беседке пожилую даму, читавшую газету.

– Господин, Вы из России?

– Да, и только что понял, что Ваша дочь – создатель многих криминальных разборок. Это она, ее страшный ум стоит за многими убийствами ради наживы.

– Ну и Вы довольны?

– Да, доволен.

– А теперь послушайте. Это не она, а я создала эту модель новой экономической экспроприации. Я не могу повернуть историю вспять, но испытываю удовлетворение, что через свою дочь, через ее психику я смогла вернуть свой род на достойное место. Ничего то Вы не поняли!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.